

УДК 947.083

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/8

ЧЕСТВОВАНИЯ ПАМЯТИ Н.В. ГОГОЛЯ (В 1902 И 1909 гг.) И «ШЕВЧЕНКОВСКИЕ ВЕЧЕРА» КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРОФЕССУРЫ г. ТОМСКА*

А.О. Степнов¹, С.Ф. Фоминых²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: brothe.numb1@gmail.com

²E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Авторское резюме

В статье на материалах периодической печати Сибири рассматриваются взаимовлияние просветительской деятельности профессоров-юристов Императорского Томского университета (М.А. Рейснера и И.А. Малиновского) в ходе чествований памяти Гоголя и Шевченко и политическая идентичность либеральной интеллигенции начала XX в. Подчеркивается, что 50-летняя годовщина смерти в 1902 г. и 100-летие со дня рождения Н.В. Гоголя в 1909 г. приняли национальный характер, что нашло отражение в целом ряде мероприятий, организованных в т. ч. числе в Томске. Заметное место в общественной жизни города играли и «Шевченковские вечера», приуроченные к 40-летию со дня смерти поэта и отмены крепостного права в России. Подчеркивается, что для просветительской репрезентации образов писателей в лекциях и публичных выступлениях Рейснера и Малиновского характерна транстемпоральность – перевод проблем современности в историческую плоскость. Важной тенденцией этого процесса было слияние этнического и политического дискурсов, в результате чего борьба «младшего брата» за национальную независимость отождествлялась с борьбой за гражданскую свободу. В выступлениях профессоров данная тенденция проявилась в усилении категории права метафорой «почвы».

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00121).

Трактовка биографий и творчества писателей, а также исторического контекста проходила по принципу избирательности. С одной стороны, это влекло за собой ряд противоречий между провозглашением Гоголя «борцом за освободительное движение» и содержанием его творчества, так же, как и личной позицией, а с другой стороны, результатом этой исторической технологии стало появление двух великих писателей на символической карте либерального дискурса русской интеллигенции.

Ключевые слова: Гоголь, Шевченко, славянский мир, либеральный дискурс, Томск, М.А. Рейснер, И.А. Малиновский, чествование памяти.

HONOURING THE MEMORY OF N.V. GOGOL (IN 1902 AND 1909) AND “SHEVCHENKO’S EVENINGS” AS POLITICAL IDENTITY TOOLS OF TOMSK LIBERAL PROFESSORATE*

A.O. Stepnov¹, S.F. Fominykh²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: brothe.numb1@gmail.com

² E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Abstract

In this article the Siberian periodicals are used to examine the mutual influence of educational activities of law professors of Imperial Tomsk University (M.A. Reisner and I.A. Malinovsky) during the honouring of the memory of N.V. Gogol and T. Shevchenko and the political identity of liberal intelligentsia in the early 20th century. The national celebrations of Gogol's anniversaries in 1902 and 1909 included a number of events in Tomsk. “Shevchenko's evenings”, dedicated to the 40th anniversary of the poet's death and the abolition of serfdom in Russia also played a prominent role in the city's public life. The educational representation of writers' images in Reisner's and Malinovsky's lectures and public speeches were of atranstemporal character, i.e. the problems of modernity were discussed in the historical perspective. An important trend of this process was the merging of ethnic and political discourses, when the struggle of the “younger brother” for national independence was identified with the struggle for civil

---

* The research was supported by the Russian Science Foundation (Project Nr. 18-18-00121).

freedom. Speaking about the category of law, the professor used the metaphor “soil”. The interpretation of writers’ biographies and works as well as the historical context were of selective nature. On the one hand, this entailed a number of contradictions between the proclamation of Gogol as a “fighter for the liberation movement” and the content of his works and personal position. On the other hand, this historical technology resulted in the appearance of the two writers on the liberal discourse symbolic map of Russian intelligentsia.

Keywords: Gogol, Shevchenko, Slavic world, liberal discourse, Tomsk, M.A. Reisner, I.A. Malinovsky, honouring the memory.

Формирование политической идентичности либеральной интеллигенции подчас проходит в отражении диалога с обществом, в социальной коммуникации интеллектуала, просвещающего народ. Здесь цель нередко совпадает со средствами: попытка донести до «просвещенного внимания» публики определенный корпус идей сама по себе становится вехой в формировании социально-политических воззрений адресантов этого просвещения. Представители томской либеральной профессуры начала XX в., ориентировавшиеся в своих устремлениях на реформу социального и политического строя, на водворение начал гражданской и политической свободы и на гармоничное развитие личности как приоритет (Харусь 2011: 27), в истории, которую нам предстоит рассмотреть, образы прошлого подчинили повестке настоящего.

В общественной жизни г. Томска, первого научно-образовательного и просветительского центра Северной Азии, в конце XIX – начале XX в. заметную роль играли чествования памяти русских писателей: Жуковского, Пушкина, Чехова и др. В своем исследовании мы обращаемся к двум фигурам, знаковым для славянского мира, хотя и сложным в плане этнокультурной идентификации, – Т.Г. Шевченко и Н.В. Гоголю.

В 1901 г. профессура и городские обыватели отдавали дань памяти Шевченко по случаю 40-летней годовщины смерти поэта. А двумя годами ранее, 26 февраля 1899 г., местное Общество попечения о начальном образовании организовало «Шевченковский вечер». В феврале–апреле 1902 г. «Сибирский Оксфорд» провел целый ряд мероприятий чествования памяти, приуроченных к 50-летию со дня смерти Гоголя. На вечере, устроенном 17 февраля тем же Обществом попечения в помещении общественного собрания, вниманию публики была представлена «разнообразная и интересная программа», в которую входили чтение биографии писателя, а также постановка отдельных сцен из «Мертвых душ», «Старосветских помещиков», «Тараса Бульбы» (Томская хроника 1902а).

Отметим, что по циркуляру министра народного просвещения П.С. Ванновского в тот год «по отслужении всенощной накануне дня кончины», или «Божественной заупокойной литургии в самый день кончины», «или, наконец, панихиды, как то представляется наиболее удобным по местным условиям», в помещениях всех учебных заведений устраивались торжественные акты «с разъяснением значения почившего писателя в отечественной литературе и истории» (Циркуляр 1902). 22 февраля в здании бесплатной (народной) библиотеки Томска состоялось литературно-вокальное утро для учащихся народных школ. Апофеозом тогда стало, под пение «Слава», поднесение венков, надетых на древко знамен, к сцене, где воспитанники школ, «склоняя знамена», увешивали венками портрет великого писателя. Подобные акты памяти проходили в Александровской и Уржатской школах, а также во всех средних учебных заведениях Томска.

Днем ранее, 21 февраля, помещение мужской гимназии декорировали флагами. В зале, предназначенном для торжественного вечера, эстрада была обтянута красным сукном, а на одной из стен присутствующие наблюдали портрет Гоголя, «удачно исполненный учеником 8-го класса гимназии Горбатовым». Вновь на торжественном вечере звучали гимны, исполненные хором гимназистов, в частности «Слава Гоголю» на музыку Гинзбурга; стихотворение «В честь Гоголя», декламированное одним из учеников; представлялись постановки сцен из «Ревизора». Вечер в числе прочих почтил своим присутствием и попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев (Томская хроника 1902b).

Не осталась безучастной и местная власть. Так, гласный местной думы А.Н. Шипицын накануне чествований обратился к городскому голове А.П. Карнакову с предложением учредить бесплатную библиотеку-читальню им. Н.В. Гоголя «в одной из отдаленных частей города, например на Воскресенской горе», а также «назвать бульвар, расположенный по Садовой улице», именем писателя и там же установить его бюст (Томская хроника 1902c). Лишь 19 марта 1909 г. городская дума г. Томска большинством голосов высказалась за переименование улицы Жандармской в Гоголевскую (ныне ул. Гоголя). Тогда же именем писателя было названо Юрточное женское училище (Дума 1909). Здание на берегу реки Ушайки, где располагалось училище, долгие годы после этого было знакомо томскому обывателю как «гоголевский дом».

1909-й – год 100-летнего юбилея со дня рождения Н.В. Гоголя. Март снова стал временем торжественных заседаний, литературно-музыкальных вечеров, театральных инсценировок, художественных выставок, характерных обрядовых ритуалов. И снова события эти

не обошли стороной весь просвещенный Томск. В качестве ремарки отметим, что 100-летие со дня рождения Шевченко в 1914 г. не нашло существенного отражения в общественной жизни и прессе Сибири и, в отличие от европейской части России, не имело существенного резонанса.

Все же трудно недооценить размах избранных в качестве предмета исследования торжеств, возведенных до поистине национально-государственного масштаба. Если придерживаться той точки зрения, согласно которой государственная машина своей сверхзадачей имеет сохранение статус-кво и укрепление собственной безопасности, прежде всего, моральной, то вполне закономерно, что личности Гоголя и Шевченко, равно как и иных знаковых литераторов русского (шире – славянского) мира, становились предметом просветительского изваяния. Результат же этого процесса должен был укреплять «установленный в России законный порядок вещей». Неудивительно, что по предписанию Министерства народного просвещения во время памятных мероприятий должна была происходить «раздача, где позволят средства, разрешенных Министерством биографий или сочинений чествуемого писателя (речь о Гоголе. – А.С., С.Ф.)» (Циркуляр 1902).

Как нам предстоит убедиться в ходе настоящего исследования, цель с противоположным знаком преследовали оппоненты самодержавной власти – представители либеральной профессуры. Так чей же Гоголь и чей Шевченко? Обратимся к битве сил на арене репрезентации великих писателей в зеркале современности.

Важно в связи с вышесказанным отметить, что лекции, текстовые варианты которых печатались на разворотах местных газет «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник», посвященные двум писателям и читанные профессорами-юристами Императорского Томского университета М.А. Рейснером и И.А. Малиновским на вечерах в общественном собрании и бесплатной библиотеке, на юбилейных заседаниях в университете, носили транстемпоральный характер. Говорившие о далеком прошлом вели речь о настоящем – о той живой реальности, которая через риторические эффекты, намеки и полутона проступала в рассказах о том же «гении Малороссии» Шевченко, погибавшем в «удушливой и смрадной атмосфере». Последние слова принадлежат профессору государственного права Рейснеру. Произнес он их 26 февраля 1901 г. на «малороссийском литературно-музыкальном вечере» в народной библиотеке. Рейснер на том вечере был распорядителем.

М.А. Рейснер на протяжении жизненного пути неоднократно менял свою политическую философию и общественную позицию. Стоявший в молодости «на точке зрения славянофильства в духе Киреевских и

Хомякова», сегодня профессор Рейснер известен прежде всего как левый общественный деятель, один из авторов первой советской Конституции и отец известной революционерки. По собственному признанию, в Томском университете (служил здесь с 1898 по 1903 г.) на заключительном этапе жизни и творчества в этом сибирском городе он «стал под влиянием русской действительности только либералом» (Рейснер 1917).

Зрители, так же, как и студенты юридического факультета Томского университета, обыкновенно не оставались равнодушными к словам профессора, исполняемые которым литературные номера «благодаря прекрасным ораторским приемам... походили на блестящую речь». «Перед зрителем, – отмечалось в очерке "Сибирской жизни" о выступлении Рейснера 26 февраля, – как в калейдоскопе каком, проходили одна другой печальней картины тяжелой жизни народного певца, призывавшего свой народ на путь обновления» (Театр и музыка 1901).

Умение Рейснера производить впечатление на публику в лице более искушенных слушателей вызывало, впрочем, скептическую реакцию. Так, профессор истории русского права И.А. Малиновский, научная и общественная биография которого аналогичным образом во многих отношениях выстраивалась по либеральным канонам, вспоминал: «Рейснер говорил о жизни Шевченко, передавал общеизвестные факты из книги А.Я. Конисского и так при этом кривлялся, что сидевшая с нами в глубине ложи О.А. Зубашева не выдержала и сказала Марусе (жене Малиновского Марии Александровне. – А.С., С.Ф.), которая сидела впереди: "Покажите ему дулю!"» (Малиновский 2014: 334).

Вспомним, что годовщина смерти Тараса Шевченко в 1901 г. совпала с 40-летием отмены крепостного права. Исторический контекст жизни и смерти поэта стал предметом лекции профессора Малиновского «"Кобзарь" Шевченко», посвященной, по словам самого лектора, историческим и общественным мотивам. «Крепостничество», «нищета, мракобесие и невежество» – таков безотрадный фон становления Шевченко, который, как выразился Рейснер, «широко размахнул своими могучими крылами» (Театр и музыка 1901).

«Предки бились за волю, но не добыли воли для своих потомков», – подчеркивал И.А. Малиновский. Один из ключевых лейтмотивов в лекции Иоанникия Алексеевича касался традиционного для либерального мировидения принципа – главенства человека в системе общественных отношений, его приоритета над государством. В лекции, прочитанной в торжественном заседании в память о Гоголе Томского университета 23 апреля 1902 г., он отмечал: «Недостатки дореформенной Руси, изображенные в художественных произведе-

ниях Гоголя, вызывают мысль о необходимости реформ общественного строя, о необходимости новых лучших учреждений, законов». И далее: «Учреждения, законы являются одним, но не единственным фактором прогрессивного развития человечества. Другой необходимый фактор – нравственное совершенствование личности» (Малиновский 1902а).

В Гоголиаде, вместившей «различные явления, образовавшиеся на почве крепостного права», профессор Малиновский находил богатую галерею образов, воссоздавая перед внутренним взором слушателя два берега этого мира. На одном из них – паноптикум помещиков, Манилов и Тентетников, Коробочка и Плюшкин, Ихарев и Ноздрев, братья Платоновы и Собакевич, Семен Семенович Батюшек и Афанасий Иванович Товстогуб и т.д. На коллективном портрете русского помещика-крепостника лектор показывал черты безделья и праздного прожигания жизни, отношение к еде как к «источнику кипучей деятельности» (о Петре Петровиче Петухе из «Мертвых душ»), охоту, «превращающуюся в страсть» («Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»), карточные игры, «тешащие всю Россию».

На другом берегу этого мира – крепостной человек как «рабочая сила и только». «Физическая рабочая сила», по горькому замечанию Малиновского, «а не человек, созданный по образу и подобию Божию», не достойный стать предметом литературы и искусства, но достойный имен «мошенника, свиньи, мерзавца». «Унижение человеческой личности крепостного крестьянина, – отмечал Малиновский, – не ограничиваясь постоянной бранью, принимало и более резкие формы. Одной из наиболее резких форм являются телесные наказания, свободно применявшиеся помещиками по отношению к крепостным крестьянам».

Профессор Малиновский, демонстрируя глубокие познания творчества Гоголя, подобно виртуозному кукловоду, играл его образами и микросюжетами, раскрывая ту реальность, где человеческое достоинство подавлено непререкаемым диктатом бесправия, где духовный мир как помещика, так и крепостного подвергся печальному разложению, где крестьяне «не только служили предметом гражданских сделок», но и проигрывались в карты «наравне с прочим имуществом». Профессор подчеркивал: «Картины из жизни крепостных крестьян свидетельствуют о полном отсутствии духовных интересов, о приниженности, деморализации. Депрессия и унижение достались в удел человека в обществе, на тысячи лье далеко от совершенства и справедливости». Утешающим следствием на этой картине становится сохранение духа свободы. Речь идет о побегах и об открытом протесте – восстании. «Бегут крестьяне Плюшкина, – замечает Мали-

новский, – отлучаются беспаспортно крестьяне Хлобуева, числятся в бегах крестьяне Довгочунов» (Малиновский 1902b).

Схожие тенденции усматривал профессор и в творчестве Тараса Шевченко, которое неотделимо от истории Южной Руси: «Шевченко – народный малорусский поэт-кобзарь. Содержание его поэзии – Малороссия с красотами ее природы, Малороссия в ее прошлом и настоящем». Сквозь призму борьбы против польско-католических порядков, против угнетения и закрепощения крестьян, навязывания Брестской унии 1596 г., преследования православия Малиновский анализирует и «грандиозное восстание при Богдане Хмельницком», результатом которого стало «присоединение Малороссии к Москве», и последующие народные движения в правобережной Украине XVII в., «известные под именем “Гайдамачины”». «По первоначальному значению, – отмечал профессор, – гайдамак – разбойник. Но разбой этот получает идейное значение» (Малиновский 1901a).

Борьба кобзаря Шевченко против бесправия и неволи была ключевой в жизни и творчестве последнего и в конечном итоге приобрела роковой характер. И.А. Малиновский сделал особый акцент на этом обстоятельстве, рассуждая в ходе своей лекции о финале жизни Шевченко: «Будущее приближалось. ...В последних своих стихотворениях поэт с лихорадочным нетерпением ожидает – скоро ли будет объявлена воля? Поэт так и не дождался ее объявления; он умер 26 февраля, а 5 марта был объявлен манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости» (Малиновский 1901b).

Свобода действительно пришла. Но едва ли это становится поводом для торжества героев нашего исследования, писателей эпохи «жесткой неволи» и тех интеллигентов, которые на заре XX в. «в дне сегодняшнем» находили пугающие переключки с эпохой прошлого, казалось бы, скрывшейся за поворотом. «Пали крепостные оковы, – отмечал И.А. Малиновский в день 40-летия со смерти Шевченко и отмены крепостного права. – Но остаются и в наше время темнота, невежество и связанные с этим другие оковы на младшем брате» (Малиновский 1901b).

А вот какими словами профессор завершил свою упомянутую уже лекцию 25 апреля 1902 г. о Гоголе: «Пусть не умолкает между нами то всемогущее, по выражению покойного писателя, слово впрямь, которого жаждет повсюду, на всех ступенях стоящий, всех сословий, званий и промыслов русский человек» (Малиновский 1902a).

Протестный потенциал двух профессоров либерального мировоззрения обрел свое выражение не только в исторической интерпретации образов Шевченко и Гоголя, но и в более широком биографическом контексте: и тот и другой столкнулись с той самодер-

жавной властью, образ которой контрастно оттеняет смыслы и категории свободы личности. Так, М.А. Рейснер в 1902 г. по возвращении из заграничной командировки прочел в университете скандальную лекцию о «различном положении общества и государства» в России и Европе. Профессор тогда публично выразил свою солидарность со строем, где «государство по существу есть само общество» и где находит «особую почву для своего развития область личной деятельности» (Чадов 1902), отрекшись от политической реальности России. Конфликт со студентом Томского университета Чадовым, обнародовавшим текст лекции в местной прессе, и дальнейшие прения с руководством вуза и Министерством народного просвещения привели к тому, что в 1903 г. Рейснер был уволен со службы и лишен права преподавания в России. Восстановлен в данном праве он был лишь по окончании Первой русской революции 1905–1907 гг. (Фоминых 1996: 206).

Имели место проблемы с законом и в случае с И.А. Малиновским. В 1909 г. он опубликовал свою работу «Кровная месть и смертная казнь» в поддержку депутатов Государственной Думы, выступивших с требованием отмены смертной казни. В следующем году профессор был обвинен «в возбуждении к бунтовщическим деяниям и к ниспровержению существующего строя». Позднее он был приговорен к тюремному заключению сроком на месяц. Впрочем, по случаю празднования 300-летия Дома Романовых неограниченная власть по милости своей амнистировала Малиновского. Тираж книги, тем не менее, постановили уничтожить (Фоминых 1996: 162).

Существование «под пятою» всякий раз заставляло оглядываться, выражая свою гражданскую позицию. Это же делало популярным эзопов язык, а также исторические рассуждения с едва угадываемой актуализацией рассматриваемого материала в связи с происшедшим в стране. Быть может, здесь кроются причины обращения либеральной профессуры к образам прошлого, к просветительскому их освещению. Закономерно потому и то, что данные памятные мероприятия, приобретая политические оттенки, использовали неподцензурные механизмы, прежде всего музыку (неподцензурность которой, впрочем, как известно, будет опровергнута дальнейшей отечественной историей).

Вечера, посвященные памяти Гоголя и Шевченко, всегда включали в себя т. н. малорусские концерты. Местные певцы, пользуясь благодушной реакцией слушателей, распевали «Ой Дніпре, мій Дніпре», «Гетьманы», переложенное на музыку завещание Шевченко «Заповіть» (Томская хроника 1899). На вечере 26 февраля 1901 г. выступал смешанный хор из 40 чел., «одетых в малороссийские

костюмы», исполнив «известные украинские песни»: «Закувала та сыва зозуля», «Бють пороги», «Гей не дівуйте» и др. (Томская хроника 1901). В конце вечера упомянутая О.А. Зубашева «с большим воодушевлением» под аккомпанемент на рояле С.А. Жбиковского спела «Ой одна я, одна» и «Утокала стелнечку». Публика, как отмечалось в «Сибирской жизни», устроила исполнительнице шумные овации.

Участником торжественного вечера в общественном собрании 20 марта 1909 г. был томский отдел Императорского музыкального общества. Ариозо Солохи из оперы «Черевички» Чайковского, исполненное О.М. Соболевской, стало «украшением музыкальной части программы». Над эстрадой в тот вечер зрители наблюдали портрет Н.В. Гоголя, написанный художницей Л.П. Базановой, женой профессора-юриста Томского университета И.А. Базанова. Изображение писателя утопало в зелени тропических цветов, принесенных из университетской оранжереи (Томская хроника 1909).

Осознавая роль и значение музыкального аспекта, И.А. Малиновский в декабре 1903 г. подготовил для публикации в газете очерк, посвященный композитору Н.В. Лысенко. Приурочен он был к 35-летию его музыкальной деятельности. Автор множества песен, опер и оперетт, фортепьянных и оркестровых пьес, арий на слова Шевченко (его авторству принадлежат упомянутые «Ой Дніпре, мій Дніпре», «Гетьманы», а также «Огні горять» и др.) и пьес на слова Франко, Лысенко предстает перед Малиновским как «собиратель украинских народных песен», в области чего композитор стал одновременно этнографом и музыкантом. «Как этнограф, – отмечал Малиновский, – Николай Витальевич стремится к правдивой передаче простой мелодии народной песни, к сохранению всех ее типичных особенностей» (Малиновский 1903). Легендарной стала и эпическая народно-музыкальная драма (опера) композитора «Тарас Бульба».

Звуки музыки сохраняют все несказанное словами, тот скрытый протест, прямое выражение которого подчас становится преступным. Рассуждая об этническом начале в выражении национального духа, мы приближаемся к другой важной тенденции в либеральной репрезентации Гоголя и Шевченко, проходившей по линии совмещения национально-этнического и протестного сословно-политического дискурсов.

В своих речах, посвященных Шевченко, М.А. Рейснер подчеркивал, что «вышедший из народа знаменитый украинский поэт слишком рано начал познавать все ужасы крепостной зависимости, какие переживала горячо им любимая Украина» (Театр и музыка 1901). Поэт в выражении профессоров предстал в двух ипостасях: как малорусский деятель, певец народной поэзии и в то же время как

инсургент, гонимый властью и попираемый критикой (Малиновский, в частности, упомянул о скептической реакции на творчество поэта со стороны В.Г. Белинского). Две стихии эти сливались в органичное целое и подчас неделимое.

«Много печальных страниц, – отмечал Малиновский, – видит Шевченко в истории Малороссии; много зла видит он в современном ее положении при полном расцвете крепостного права». И далее: «Прошлые Малороссии и ужасы крепостного права – вот два основные мотива поэзии Шевченко».

И.А. Малиновский очертил художественный микрокосм Шевченко, сдавленный тремя мирами. В сборнике «Кобзарь» народ поэта предстает в интерьерах «героической эпохи борьбы казаков с басурманами» – «магометанским миром – турецким султаном». Метафорический след этой борьбы зафиксирован в трагическом образе ее немых свидетелей – «Могили по полю!».

«Позже появился другой враг, – добавлял Малиновский, – этот враг способствовал наплыву южнорусских крестьян в Запорожскую Сечь... Враг этот – поляки». Шляхетское землевладение, закрепощение крестьян, «не стесняющаяся никакими средствами пропаганда католичества», притеснения православных, насильственная уния – таковы были спутники «нового хозяина» Южной Руси, с середины XVI в. вошедшей в состав Речи Посполитой. «Южнорусское население поднимает открытые восстания в защиту воли и веры», – пишет Малиновский. «Сопровождавшееся ужасной резней» восстание 1768 г. нашло отражение в самом большом произведении Шевченко – поэме «Гайдамаки». Иоанникий Алексеевич так отозвался о ней: «Здесь Шевченко дает правильную с исторической и этнографической точки зрения характеристику обеих борющихся сторон. На одной стороне всесильная шляхта, в руках которой сосредоточена вся политическая власть, которая не знает пределов своему произволу и насилиям, которая совершенно не уважает прав личности за остальным населением... На другой же стороне южнорусское угнетенное население».

И, наконец, третий мир – Москва, которая вместе с верностью «старшего брата» приносит закрепощение и бедноту для крестьян Южной Руси. «Падение Сечи и раздача запорожских земель, – подчеркивал Малиновский, – сливается в народных преданиях с установлением крепостного права». А казак Степан, возвращавшийся через Балканы из турецкого плена («Невольник»), от встретившихся на своем пути запорожцев узнал: «І як степи запорозьські / Німоті ділила / Та бахурям і байстрюкам / Люд закріпостила...» (Шевченко 1970а: 286).

Малиновский добавлял: «“Лыцарски сыны” изнемогают под тяжким

игом крепостного права у своих братьев – панов-христиан» (Малиновский 1901b).

Заметим, что особого внимания в лекциях профессора Малиновского удостоены были художественные достоинства произведений Гоголя и Шевченко. Среди них, в частности, контрастное сопоставление изначальной красоты природы и несовершенств мира социального. Данный романтический прием приобретает особое звучание в процессе отражения исторического контекста первой половины XIX в. и более ранних периодов отечественной истории. Так, для поэта, вспоминающего «на чужбине» Днепр и славную Украину, лучше которых для него в целом мире нет, возвращение на Родину оборачивается картиной «Чорніше чорної землі»: «А скрізь на славній Україні / Людей у ярма запрягли / Пани лукаві» (Шевченко 1970b: 117–118).

Борьба национальная становится борьбой за свободу, а категория естественного права приобретает свою опору в метафоре почвы. Двоякий смысл в связи с этим принимает и образ «наименьшего брата» – как «младшего» этноса Малороссии и вместе с тем народа, угнетенного юридически, социально, экономически. Младшим братом становится и эксплуатируемый народ, и всякий человек, подавленный бесправием, вне зависимости от национальной и этнической принадлежности. И.А. Малиновский подчеркивал, что поэзия Шевченко «чужда национальной исключительности и национального самовосхваления», а «национальные особенности у него не исключают общечеловеческих идеалов» (Малиновский 1901a).

Не можем мы обойти стороной еще одну закономерность в реанимации образов прошлого – избирательную трактовку творческого наследия писателей, ориентированную на идейно-либеральное поле, на свободу и право. «Своего» Гоголя И.А. Малиновский выстраивал в дискуссионном ключе с позицией историка В.И. Семевского. Последний в фундаментальном исследовании «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века» не склонен был отделять Гоголя – автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» от Гоголя – автора художественных произведений. «Гоголь нигде в своих произведениях не обличает мерзостей крепостного права», – отмечал Семевский. Добавим, что историк, анализируя творчество писателя, находил, что Гоголь «или вовсе обходит крепостное право, или не упоминает о дурных его сторонах». Более того, В.И. Семевский утверждал, что и в художественных, и в публицистических своих произведениях взгляд Гоголя на крестьянский вопрос сводился к тому, что «русскому народу не нужна воля», «свобода может только развратить его» (Семевский 1888: 267, 272).

Малиновский, в свою очередь, писал: «До сих пор нет единодуш-

ного и согласного признания литературных заслуг Гоголя, до сих пор происходят споры об отношении между его личными убеждениями и литературным творчеством». Обращаясь к трехчастной структуре незаконченного романа «Мертвые души» и справедливо сравнивая произведение с «Божественной комедией» Данте, Малиновский в черновых версиях 2-го тома, по контрасту с 1-м, в котором «изображена дореформенная Россия – ад», замечает «перелом в сторону нравственного просветления», а в ненаписанном 3-м (т. е. «Раю») предвосхищает «типы, воплощающие в себе все благородное и высокое начало русской природы». «Здесь, – подчеркивал профессор, – должно было “предстать несметное богатство русского духа”» (Малиновский 1902а). Любопытно, что в данных словах вновь категория нравственного соединяется с национальными чертами.

В лекции И.А. Малиновского «Общественное значение литературной деятельности Гоголя» (20 марта 1909 г.), как и в других его выступлениях, автор «Выбранных мест...» предстает в качестве «одного из видных деятелей освободительного движения». Едва ли мы найдем основание упрекнуть в интеллектуальной недобросовестности профессора, который и сам удивлялся тому, что «и западники, и славянофилы считали его (Гоголя) своим». «Если все сохраняется, то это не значит, что все имеет равную ценность», – отмечал он и Гоголю – гениальному художнику отдавал приоритет в сравнении с Гоголем – «посредственным ученым и посредственным публицистом».

Малиновский следующим образом защищал свою позицию: «В “Переписке с друзьями” Гоголь высказывает свои личные мнения по вопросам государственной и общественной жизни. Взгляды эти имеют биографический интерес, но не имеют значения общественного» (Малиновский 1909а).

Возвращаясь к проблеме транстемпоральности исследуемого просветительского контента, отметим, что в ссылках на современность Малиновский образца 1909 г. оказался радикальней себя в 1902 г. «В своих художественных произведениях, – подчеркивал он, выступая в общественном собрании 20 марта 1909 г., – Гоголь дал уничтожающую критику всего современного ему и отчасти дожившего до наших дней... Россия при господстве самодержавно-бюрократического и крепостнического режима – страна мертвых душ».

«Когда проснется человеческое чувство у русского человека и когда наступит воскресенье России?» – задавался вопросом И.А. Малиновский. Вслед за этим он произнес такие слова: «Воскресенье наступит тогда, когда будет ликвидирован старый порядок, когда будут проведены реформы политического и социального строя. Таков естественный вывод, на который наталкивает читателей Гоголь»

художник... Царство мертвых душ не вечно. Воскресенье наступит. Будем верить в него, будем ждать его, будем стремиться к нему» (Малиновский 1909b).

Однако что мы можем сказать о Гоголе-человеке? Досталось ли в период торжеств и поминовений 1902 и 1909 гг. слово ему? А ведь, по собственным словам Николая Васильевича, приведенным в воспоминаниях И.С. Тургенева, он «всегда придерживался одних и тех же религиозных и охранительных начал» (Тургенев 1968: 365). Строка из Библии, начертанная на надгробном камне Гоголя, в данном случае и правда заставит многих из нас «посмеяться горьким словом» автора «Мертвых душ».

Великий писатель, переступая черту вечности, перестает принадлежать себе. В современности остаются существовать несколько его воплощений, иные из которых подчинены законам формирования политической идентичности. Вспомним, что правители древности нередко подвергали жестокому наказанию всякого, кто использовал историю для борьбы с действующим порядком. Профессор Малиновский в этом смысле вел опасную игру. Но результатом данной интеллектуальной алхимии стало появление на символической карте либерального дискурса России начала XX ст. величественного писателя в своей «железной шинели».

Просветительская репрезентация Гоголя и Шевченко, таким образом, стала механизмом символического обогащения либерального капитала представителей корпорации томских профессоров. Стоит ли говорить о том, что история общественно-политической мысли России знает и противоположные примеры, когда творческий и биографический образ того же Гоголя становился опорой для иных – консервативных и реакционных – взглядов. Эту «темную» сторону отразила речь профессора богословия Томского университета Д.Н. Беликова. Произнесена она была 21 февраля 1902 г. по окончании заупокойной литургии по Николаю Васильевичу Гоголю в университетской домово́й церкви. «Вслед за приглашением к молитве, – произнес в тот день профессор, – принимаю на себя долг во имя великого достоинства почившего и высокой славы его дела просить слушателей еще о другом: я просил бы не произносить или не соразделять того легкомысленного суждения о гоголевской “Переписке с друзьями”, которое теперь так обычно в устах всякого критика». И далее: «Будем в этом случае осмотрительны и осторожны, помня слова автора, что в “Переписке с друзьями” “есть много того, что нескорю может быть доступно всем”, помня в своем осторожном суждении и то, что узкая мудрость нынешнего времени никак не может быть критерием для оценки в осуждение мудрых вещаний мыслителя» (Беликов 1902).

Заметим, что процесс борьбы за «безгласных» писателей связан с трендом русской общественной жизни (который сохранился вплоть до конца XX в.) – традиционным авторитетом в ней писателя, слово которого подчас оказывается сильнее закона и политического порядка. Неслучайно поэтому И.А. Малиновский в ходе борьбы своей против смертной казни обращается к этому слову как аргументу, в частности и творчеству Н.В. Гоголя (Малиновский 1910: 25–27).

«Концепция Гоголя» авторства Малиновского парадоксальным образом нашла свое продолжение в разгар сталинской эпохи – времени, которое сам профессор едва ли считал бы удовлетворяющим своим идеалам. Отмечается, что образ Гоголя, «слабого» в своих заблуждениях и «сильного» в прозрениях, вполне «удачно вписывался в сложную архитектуру» того периода (Манекин 2009).

Впрочем, в мышлении И.А. Малиновского Николай Васильевич сохранял важное место и тогда, когда либеральные идеалы профессора терпели крах. В начале 1920-х гг., отбывая наказание в Ивановском лагере в Москве, он в рамках культмассовых мероприятий продолжал освещать творчество писателя, который, «изобразил Россию своего времени, то есть того времени, когда существовало крепостное право» (Малиновский 1922).

ЛИТЕРАТУРА

Беликов 1902 – Речь профессора Д.Н. Беликова перед панихидой по Н.В. Гоголю // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни (далее – Сибирский вестник). 1902. 27 февр.

Дума 1909 – Городская дума // Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая (далее – Сибирская жизнь). 1909. 21 марта.

Малиновский 1901а – Малиновский И.А. «Кобзарь» Шевченко // Сибирская жизнь. 1901. 4 марта.

Малиновский 1901б – Малиновский И.А. «Кобзарь» Шевченко. Окончание // Сибирская жизнь. 1901. 6 марта.

Малиновский 1902а – Малиновский И.А. Жизнь и литературная деятельность Н.В. Гоголя // Сибирская жизнь. 1902. 27 апр.

Малиновский 1902б – Малиновский И.А. Крепостное право в художественных произведениях Н.В. Гоголя // Сибирская жизнь. 1902. 21 февр.

Малиновский 1903 – Малиновский И.А. Н.В. Лысенко (К 35-летию юбилею) // Сибирская жизнь. 1903. 20 дек.

Малиновский 1909а – Малиновский И.А. Общественное значение литературной деятельности Гоголя // Сибирская жизнь. 1909. 24 марта.

Малиновский 1909б – Малиновский И.А. Общественное значение литературной деятельности Гоголя. Окончание // Сибирская жизнь. 1909. 25 марта.

Малиновский 1910 – *Малиновский И.А.* Русские писатели-художники о смертной казни // Известия Императорского Томского университета. 1910. Кн. 38 [пагин. 2-я]. С. 1–99.

Малиновский 1922 – *Малиновский И.А.* О Гоголе (1922 г.) // Музей истории ТГУ.

Малиновский 2014 – *Малиновский И.А.* Маруся и дети // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 286–340.

Манекин 2009 – *Манекин Р.В.* Гоголь околелитературный. Посмертные метаморфозы // Известия ДГПУ. 2009. № 2. С. 71–76.

Рейснер 1917 – *Рейснер М.А.* Профессор Рейснер и Е. Колосов // Утро Сибири. Газета общественно-экономическая, политическая и литературная. 1917. 4 янв.

Семевский 1888 – *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: в 2 т. Т. 2: Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1888. 625 с.

Театр и музыка 1901 – Вечер в память Т.Г. Шевченко в бесплатной библиотеке // Сибирская жизнь. 1901. 28 февр.

Томская хроника 1899 – Шевченковский вечер // Сибирская жизнь. 1899. 2 марта.

Томская хроника 1901 – К вечеру в память поэта Т.Г. Шевченко // Сибирская жизнь. 1901. 21 февр.

Томская хроника 1902a – К чествованию памяти Н.В. Гоголя // Сибирская жизнь. 1902. 15 февр.

Томская хроника 1902b – Гоголевский вечер в гимназии // Сибирская жизнь. 1902. 26 февр.

Томская хроника 1902с – К юбилею Н.В. Гоголя // Сибирская жизнь. 1902. 2 февр.

Томская хроника 1909 – Гоголевский вечер // Сибирская жизнь. 1909. 22 марта.

Тургенев 1968 – Гоголь. Литературные и житейские воспоминания // Тургенев И.С. Собрание сочинение в шести томах. Т. VI. М.: Правда, 1968. С. 362–379.

Фоминых 1996 – Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1: 1888–1917 / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та. 1996. 288 с.

Харусь 2011 – *Харусь О.А.* Проблемы формирования гражданского общества в либеральном дискурсе России начала XX в. (из интеллектуального наследия профессоров Томского университета) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15). С. 19–27.

Циркуляр 1902 – Циркуляр министра народного просвещения попечи-

телям учебных округов // Сибирская жизнь. 1902. 13 февр.

Чадов 1902 – *Чадов С.Д.* Первая лекция профессора М.А. Рейснера // Сибирский вестник. 1902. 10 окт. № 218.

Шевченко 1970а – *Шевченко Т.Г.* Твори: у п'яти томах. Київ: Видавництво художньої літератури «Дніпро», 1970. Т. 1. 408 с.

Шевченко 1970б – *Шевченко Т.Г.* Твори: у п'яти томах. Київ: Видавництво художньої літератури «Дніпро», 1970. Т. 2. 416 с.

REFERENCES

Belikov, D.N. (1902) Rech' professora D.N. Belikova pered panikhidoy po N.V. Gogolyu [Speech by Professor Belikov before the Requiem for Gogol]. *Sibirskiy vestnik*. 27th February.

Anon (1909) Gorodskaya дума [Municipal Duma]. *Sibirskaya zhizn'*. 21st March.

Malinovskiy, I.A. (1901a) “Kobzar” Shevchenko [“Kobzar” by Shevchenko]. *Sibirskaya zhizn'*. 4th March.

Malinovskiy, I.A. (1901b) “Kobzar” Shevchenko. Okonchaniye [“Kobzar” by Shevchenko. Final]. *Sibirskaya zhizn'*. 6th March.

Malinovskiy, I.A. (1902a) Zhizn' i literaturnaya deyatel'nost' N.V. Gogolya [N.V. Gogol's life and literary activity]. *Sibirskaya zhizn'*. 27th April.

Malinovskiy, I.A. (1902b) Krepostnoe pravo v khudozhestvennykh proizvedeniyakh N.V. Gogolya [Serfdom in Gogol's fiction]. *Sibirskaya zhizn'*. 21st February.

Malinovskiy, I.A. (1903) N.V. Lysenko (K 35-letnemu yubileyu) [N.V. Lysenko (on the 35-years of activity)]. *Sibirskaya zhizn'*. 20th December.

Malinovskiy, I.A. (1909a) Obshchestvennoe znachenie literaturnoy deyatel'nosti Gogolya [Social meaning of Gogol's literary activity]. *Sibirskaya zhizn'*. 24th March.

Malinovskiy, I.A. (1909b) Obshchestvennoe znachenie literaturnoy deyatel'nosti Gogolya. Okonchaniye [Social meaning of Gogol's literary activity. Final]. *Sibirskaya zhizn'*. 25th March.

Malinovskiy, I.A. (1910) Russkie pisateli-khudozhniki o smertnoy kazni [Russian writers about death penalty]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 38(2). pp. 1–99.

Malinovskiy, I.A. (1922) O Gogole (1922 g.) [About Gogol (1922)]. TSU Museum of History.

Malinovskiy, I.A. (2014) Marusya i deti [Marusya and children]. In: Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Gribovskiy, M.V., Litvinov, A.V., Merkulov, S.A. & Dunbinskiy, I.A. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk

State University. pp. 286–340.

Manekin, R.V. (2009) Gogol' okololiteraturnyy. Posmertnye metamorfozy [Gogol near-literature. Postmortem metamorphoses]. *Izvestiya DGPU – Dagestan State Pedagogical University*. 2. pp. 71–76.

Reisner, M.A. (1917) Professor Reisner i E. Kolosov [Professor Reisner and E. Kolosov]. *Utro Sibiri*. 4th January.

Semevskiy, V.I. (1888) *Krest'yanskiy vopros v Rossii v XVIII i pervoy polovine XIX veka: v 2 t.* [Peasant question in Russia during the 18th and the first half of the 19th centuries]. Vol. 2. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

Sibirskaya zhizn'. (1901a) Vecher v pamyat' T.G. Shevchenko v besplatnoy biblioteke [T. Shevchenko's memory evening in the folk library]. 28th February.

Sibirskaya zhizn'. (1899) Shevchenkovskiy vecher [T. Shevchenko's memory evening]. 2nd March.

Sibirskaya zhizn'. (1901b) K vecheru v pamyat' poeta T.G. Shevchenko [To Shevchenko's memory evening]. 21st February.

Sibirskaya zhizn'. (1902a) K chestvovaniyu pamyati N.V. Gogolya [To the honouring the memory of Gogol]. 15th February.

Sibirskaya zhizn'. (1902b) Gogolevskiy vecher v gimnazii [Gogol's memory evening at the gymnasium]. 26th February.

Sibirskaya zhizn'. (1902c) K yubileyu N.V. Gogolya [To Gogol's anniversary]. 2nd February.

Sibirskaya zhizn'. (1909) Gogolevskiy vecher [Gogol's memory evening]. 22nd March.

Turgenev, I.S. (1968) *Sobraniye sochineniye v shesti tomakh* [Collected Works in 6 vols]. Vol. 6. Moscow: Pravda. pp. 362–379.

Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. A Biographical Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

Kharus, O.A. (2011) Problems of formation of a civil society in the liberal discourse of Russia at the beginning of the 20th century (from the intellectual heritage of TSU professors). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(15). pp. 19–27 (In Russian).

Sibirskaya zhizn'. (1902) Tsirkulyar ministra narodnogo prosveshcheniya popechitel'yam uchebnykh okrugov [Circular note from the Ministry of National Education to the school districts]. 13th February.

Chadov, S.D. (1902) Pervaya lektsiya professora M.A. Reysnera [Professor Reisner's first lecture]. *Sibirskiy vestnik*. 10th October.

Shevchenko, T.G. (1970a) *Tvori: u p'yati tomakh* [Works in 5 vols]. Vol. 1. Kyiv: Dnipro.

Shevchenko, T.G. (1970b) *Tvori: u p'yati tomakh* [Works in 5 vols]. Vol. 2. Kyiv: Dnipro.

Степнов Алексей Олегович – аспирант исторического факультета, лаборант лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета.

Aleksey O. Stepnov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: brothe.numb1@gmail.com

Фоминых Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Sergey F. Fominykh – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru